

Францисканское Призвание

«Четырехкратное восьмисотлетие», посвященное святому Франциску Ассизскому, вступило в завершающий этап.

В начале мы отмечали годовщину официального создания Ордена братьев меньших и утверждения Устава, а ещё первое установление рождественского вертепа (1223-2023, <https://centenarifrancescani.org/index.php/en/centenario-1-en>), затем, —

наделение стигматами (1224-2024, <https://centenarifrancescani.org/index.php/en/il-dono-delle-stimmate-2024-en>) и сочинение «Песни брату Солнцу» (1225-2025, <https://centenarifrancescani.org/index.php/en/il-cantico-delle-creature-2025-en>). А теперь мы находимся в юбилейном году смерти Ассизского бедняка (1226-2026, <https://www.centenarifrancescani.org/in>

[dex.php/en/news/opening-of-the-800th-anniversary-of-the-transitus-of-st-francis-1226-2027](https://ruscatholic.org/god-sv-franciska/)), который Папа Лев XIV еще обогатил даром полной индальгенции

(<https://ruscatholic.org/god-sv-franciska/>): как раз она, вместе с вышеупомянутой «Песнью творения», поможет нам смотреть на эту годовщину в особой перспективе.

«Хвала Тебе, Господи мой, за тех, кто прощает ради Твоей любви и претерпевает лишения и труды. Блаженны, кто терпит их в мире, ибо Сам Ты, Владыка, увенчаешь таких. Хвала Тебе, Господи мой, за сестру нашу Смерть телесную, ее же никто живой не избегнет: Горе тому, кто кончается в смертных грехах; блаженны, кого застигнет она в исполнении святой Твоей воли, ибо смерть вторая уже не принесет им зла»¹.

Действительно интересно, что, после восхваления Бога за Его творение, в заключительных строфах Песни, Франциск благословляет Господа за лишения, труды и смерть: вещи, на которые мы обычно жалуемся.

Однако, интересную подсказку к пониманию подхода Франциска нам даёт сам текст.

Он не провозглашает блаженными тех, кто просто претерпевает лишения и труды, а тех, «кто терпит их в мире». Более того, это терпение текстуально следует за упоминанием «тех, кто прощает ради Твоей любви».

Смерть, в конце концов, является поводом для благословения не сама по себе, а скорее потому, что она ведет к вечной жизни тех, «кого застигнет в

исполнение святой Твоей воли», то есть тех, кто раскаялся в своих грехах и примирился с Богом.

Похоже, источник этой неожиданной и, казалось бы, нелогичной связи между восхвалением и благословением, с одной стороны, и лишениями, трудами и смертью, с другой, кроется именно в мире и покое, полученных через примирение. Мы сейчас на пороге Пасхи, к которой дошли после сорокадневного пути по пустыне Великого поста.

Но уже в самом его начале, литургия упоминала исход Израильского народа из Египта.

Оказывается, что в начале есть Пасха, а потом пустыня.

То есть, мы могли с миром терпеть пустыню только если уже испытывали освобождение; мы могли по настоящему пережить Великий пост только если уже испытывали

1 Здесь можно найти другие переводы:
<http://agnuz.info/app/webroot/library/281/359/index.htm>.

воскресение Иисуса Христа в своей жизни.

А еще, мы — люди, которых Иисус освободил.

В последнее воскресенье до Великого Поста, мы слышали чтение книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова: «Господь предложил тебе огонь и воду; на что хочешь, прострешь руку твою. Пред человеком жизнь и смерть, и чего он пожелает, то и дастся ему».

А в четверг после Пепельной среды, чтение книги Второзакония говорило то же самое: «я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло. ... Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твоё, любил Господа, Бога твоего, слушал глас Его и прилеплялся к Нему; ибо в этом жизнь твоя».

По крайней мере перед Богом, у нас всегда есть свобода выбора.

Мы можем выбрать то, что хорошо и дает нам жизнь, или то, что плохо и дает нам смерть.

Свобода нам уже дана.

Она находится в нас с начала, даже прежде, чем мы осознано встретились с Богом.

Почему?

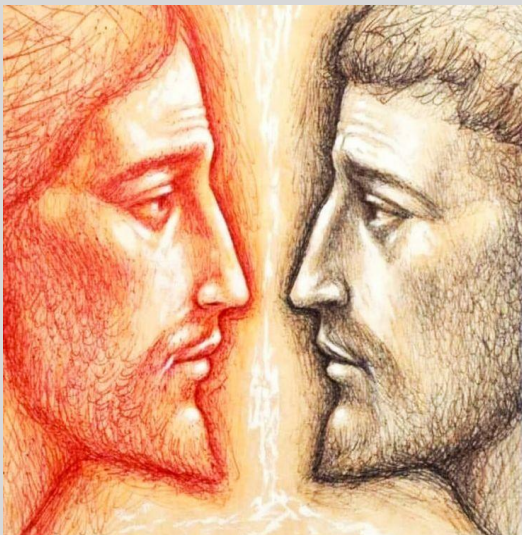
Потому что Бог сотворил нас свободными.

Но наша нынешняя свобода, чаще всего — просто человеческая, потому что это свобода после первородного греха.

Так что, можно сказать, что Великий Пост, пустыня, был время и путь, в течении которого мы были призваны восстановить ту божественную свободу, которую Бог вложил в нас, когда Он нас сотворил и, скажем так, снова «освободить ее».

Судя по всему, Франциск Ассизский прожил всю свою жизнь по этому пути, позволив Богу восстановить в нём тот взгляд на творение, который человек имел до первородного греха: смиренный, бедный и целомудренный взгляд, который ничем и никем обладать не хочет.

В итоге, - взгляд Иисуса Христа.

Как раз, для него пост был не признаком презрения или даже просто пренебрежения по отношению к мирским вещам: иначе, он не написал бы «Песнь брату солнцу».

Пост для него был не способом прекратить отношения с творением, а временем уединения с Богом и слушания Его для того, чтобы перестроить все отношения, особенно с братьями, «через Христа, со Христом и во Христе».

В качестве примера можно привести пару его «Наставлений» и «Послание к министру».

«Если же старший потребует от брата чего-то противного совести, тот, хотя и не подчиняясь, пускай все же не оставляет его. И если за это придется ему потерпеть гонения со стороны иных, пусть он их любит еще больше, ради любви Божией. Воистину, тот, кто лучше будет терпеть гонения, но не захочет разлучиться с братьями своими, тот исполнит совершенное послушание, ибо душу свою полагает за братьев своих» (Наст. 3).

«Говорит Господь: «Любите врагов ваших [и благотворите ненавидящим вас, и молитесь за обижающих вас и гонящих вас]». Воистину, тот любит

врага своего, кто не скорбит из-за обиды, которую тот причинит ему, но в глубине сердца, ради любви Божией, сокрушается о грехе души его. И делами являет ему свою любовь» (Наст. 9).

«И по этому я узнаю, любишь ли ты Господа и меня, слугу Его и твоего, если будешь поступать следующим образом: если не найдется брата на всей земле, согрешившего, как только можно согрешить, чтобы он, увидев глаза твои, ушел прочь, не получив от тебя прощения, если о нем попросит; если же он не попросит, ты сам спроси его, не желает ли он, чтобы его простили. И если затем тысячу раз согрешит он перед глазами твоими, люби его больше, чем меня, ибо ты сумеешь привлечь его к Господу; и всегда имей милосердие к таким братьям».

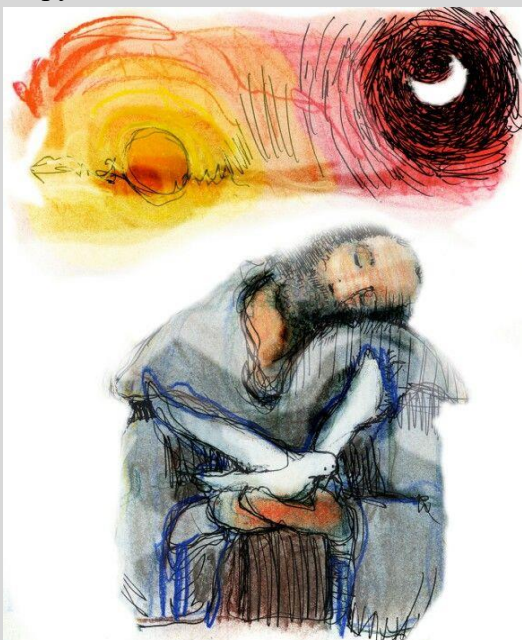
Вот, если слова и пример Франциска согревают и воспаляют твое сердце, то, кто знает, возможно, францисканская харизма заложена и в твоей духовной ДНК.

Да, жизнь Франциска доказывает: он стал человеком мира и примирения не потому, что был теоретизирующим и наивным пацифистом, а благодаря конкретной любви, проистекающей из личного опыта собственной боли, преображенной созерцанием Страстей Христовых от Рождества до смерти и Воскресения.

Притом, Страсти в двойном смысле латинского слова «*Passio*»: «горячая любовь» и «горячая боль».

Наверное, и поэтому, когда папа Лев XIV обратился к Францисканской духовной семье и объявил юбилейный год в честь смерти Франциска, он подчеркнул, что Франциск – человек мира и примирения, то есть человек, который примирился во всех своих отношениях — с самим собой, с Богом, с другими.

Неслучайно, всего через несколько месяцев после сочинения заключительных стихов «Песни брату Солнцу», Франциск смог встретить смерть, приветствуя её именно как сестру и как окончательный этап примирения с Богом.

Так что, не даром Папа Лев решил украсить этот юбилейный год индульгенцией: одним из обычных условий получения которой, как раз, является «полная свобода от привязанности ко греху», то есть сердце, которое, как мы уже говорили, ничем и никем обладать не хочет, а со всем и всеми примирилось.

брат Юрий Каваллеро

Христианский взгляд на смерть в свете Пасхи Христовой и 800-летия перехода святого Франциска Ассизского

Смерть — пожалуй, единственная тема, от которой человек постоянно бежит потому, что она слишком к нему близка.

Пока она остаётся где-то на периферии жизни — в больничных коридорах, в некрологах, в чужих историях, которые мы выслушиваем с сочувствием: ведь это не с нами, — наше сердце ещё способно держать эту тему на расстоянии.

Но рано или поздно это расстояние просто исчезает.

Врач начинает выбирать слова более осторожнее, чем раньше.

Тело, прежде послушное, вдруг предъявляет свои права.

И тема, которую человек годами откладывал на потом, оказывается

прямо перед ним — живая, неотступная и требующая ответа.

Христианская вера не отворачивается от этого момента.

Она смотрит на смерть честно — без того холодного бесстрастия, которое хотело бы превратить её в философскую мысль, и без того отчаяния, что накрывает сердце, когда оно остаётся с темнотой наедине.

В свете Пасхи Христовой даже самый тёмный путь оказывается не беспросветным — не потому, что боль становится меньше, чем она есть, а потому что свет, однажды вошедший в мир, уже не может быть поглощён тьмой.

В год, когда исполняется восемьсот лет блаженного перехода святого Франциска Ассизского из жизни земной в жизнь вечную, эта истина звучит особенно живо.

Об этом знает каждый священник, которому доводилось переступить порог больничной палаты.

Там, у самой койки, где лежит беспомощный человек, открытый как никогда прежде новой надежде, с поразительной ясностью обнаруживается одно: слова здесь не стоят практически ничего, а присутствие, тишина, готовность просто быть рядом — стоят всего на свете.

Именно у больничной койки открывается одна из самых простых и вместе с тем самых важных истин: страх смерти глубоко вписан в саму природу человека.

Мы созданы для жизни, мы тянемся к свету, к родным лицам, к привычному течению дней — и потому сердце живо откликается на всё, что касается завершения земного пути.

В этом нет ничего постыдного.

В этом — свидетельство о том, что жизнь дорога нам именно потому, что она дар.

Но страх смерти знаком не только тем, кто далёк от веры, — он знаком и тому, кто давно живёт молитвой, кто строит жизнь по Евангелию, кто причащается и исповедуется годами.

Такое открытие способно смутить: как будто вера должна была раз и навсегда избавить человека от него.

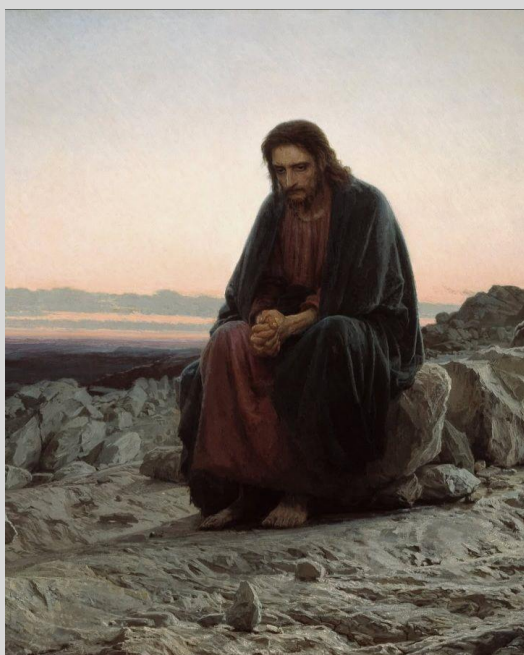
Христианская мудрость открывает истину о смерти в новом свете: вера не устраняет страх, но не позволяет ему произнести последнее слово.

Ведь страх становится по-настоящему разрушительным, когда заполняет собой всё внутреннее пространство человека, вытесняя из него и способность замечать добро, видеть силы в себе, и саму возможность принимать любовь.

И именно здесь, в этой точке, вера раскрывается как подлинная опора, та самая внутренняя сила, о которой псалмопевец говорит, что она позволяет ему идти долиной смертной тени, не боясь зла.

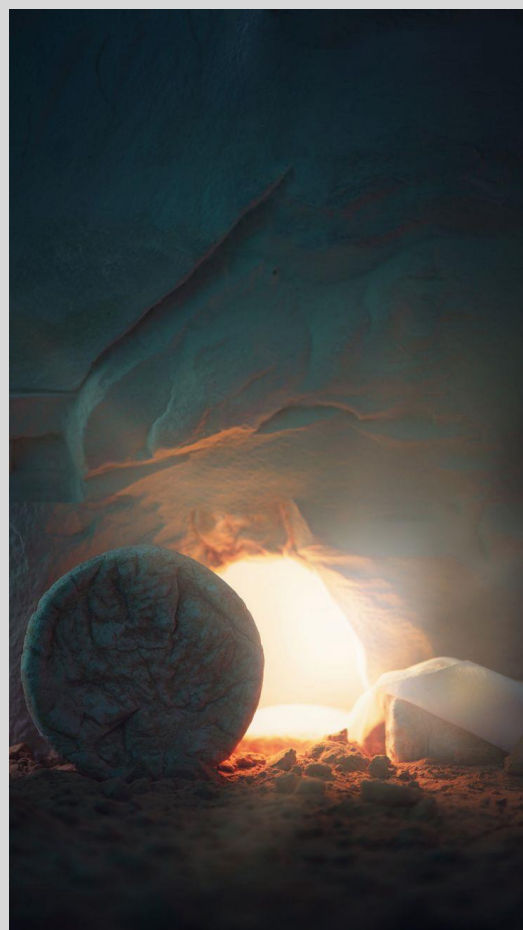
Сам Христос вошёл в человеческое страдание без остатка.

Ему знакома дрожь сердца перед болью, тяжесть последнего часа жизни, то особое одиночество, которое не рассеивается даже среди людей.

Он не созерцал человеческую смерть издалека — Он прошёл через неё, и Его Воскресение осветило этот путь с той стороны, куда прежде не достигал ни один луч.

С этого момента смерть перестаёт быть только концом и становится порогом встречи.

Когда болезнь надолго вырывает человека из привычной жизни — из работы, из движения, из самого ощущения себя хозяином собственного времени, — душа проходит через серьёзную, нередко мучительную внутреннюю борьбу.

Вместе со страхом возникают вопросы, которые в здоровые и занятые дни как-то не находили себе места: почему это со мной? почему именно сейчас? где Господь в те часы, когда Он нужен более всего?

Эти вопросы рождаются из боли, из усталости, из внутреннего истощения — и в них слышится голос сердца, которое ищет Бога именно потому, что ему тяжело.

Такой поиск, даже самый измученный и неуклюжий, уже сам по себе есть молитва.

Я бывает вижу, что больше нет пути, и я не понимаю, куда же мне идти.

Не вижу больше знаков, иду — и темнота, и в сумраке душевном вопрос один: куда?

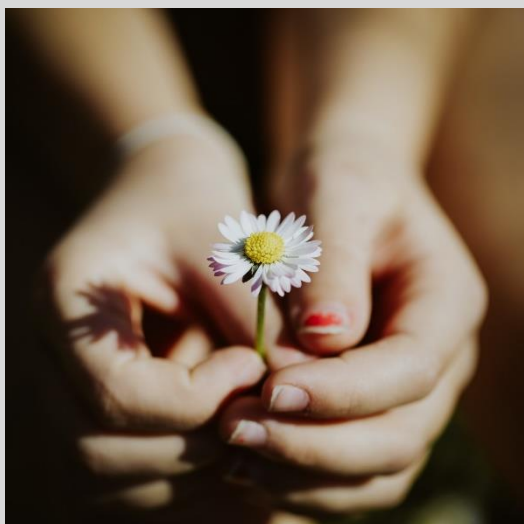
В этих стихах живёт та внутренняя честность, которая дороже любой земной ценности.

Человек, написавший их, просто говорит правду о том, что с ним происходит.

Ориентиры исчезли, привычные знаки погасли, и душа движется вперёд почти вслепую — движется, потому что остановиться невозможно.

Именно в этой честности, в самом признании темноты — и начинается настоящая молитва.

Тяжёлая болезнь разрушает одну из наших самых устойчивых иллюзий: что мы крепко держим свою жизнь в собственных руках.

В повседневном течении дней эта иллюзия почти не ощущается — она кажется просто здравым смыслом.

Болезнь приносит иной опыт: человек видит хрупкость тела, быстроту перемен, уязвимость всего, что казалось надёжным, и оказывается ближе к самому себе — к своей подлинной сути, к той правде о себе, которую в здоровые дни так легко не замечать.

Именно в этой точке глубокого прозрения нередко рождается более зрелая надежда — уже не на собственные силы, а на веру в Того, Кто есть все и во всем.

Католическая традиция всегда смотрела на человека цельно: видела в нём и душу, и тело, и духовную жизнь, и реальные пределы сил — и никогда не противопоставляла одно другому.

Поэтому помощь врача, сопровождение психолога, забота близких естественно входят в эту традицию как часть уважения к жизни, которую Господь человеку даровал.

Благодать действует разными способами — и узнаётся иногда в самых простых вещах: в красоте утра, в которое снова открыл глаза; в чувстве солнечного тепла на лице; в нескольких шагах по комнате; в короткой молитве; в чём-то присутствии рядом.

Особой тяжестью отличается болезнь, переживаемая в одиночестве.

Годы пандемии показали это наглядно: когда нельзя увидеть близких в больнице, когда священник не может войти в палату, когда исповедь и причастие оказываются недоступны, — для верующего сердца это очень конкретная, очень острая боль.

Но именно здесь открывается то, что Церковь понимала всегда: Господь видит желание сердца.

Он слышит молитву, произнесённую без слов, в тишине, без сил подняться, — и Его присутствие не зависит от того, открыты ли двери храма.

Жизнь со временем собирается заново — медленно, по одному дню, через самые малые и простые вещи, — и в этой верности одному прожитому дню живёт луч надежды, и приходит ощущение, которое подсказывает: Господь рядом.

Но тьма не скроет света — не вечна эта ночь.

И свет проникнет всюду, и тьму подгонит прочь.

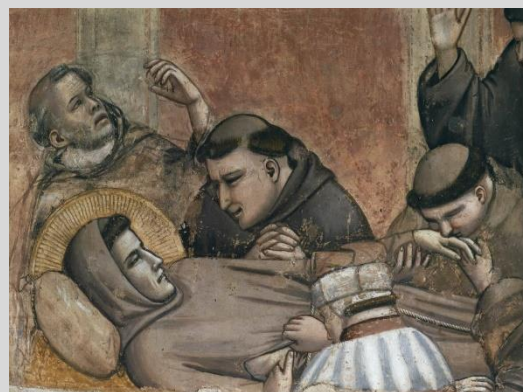
Укажет путь и выведет, и будет мне светить.

И ангел мой хранитель меня да сохранит.

В этих строках нет победного торжества, но есть нечто более дорогое: спокойная уверенность человека, прошедшего через темноту и не потерявшего опору в жизни.

Здесь чувствуется доверие, выросшее через испытания — то доверие, которое уже нельзя отнять, потому что оно пройдено со Христом.

Восемьсот лет назад совершил свой «Transitus» Франциск Ассизский.

Францисканская традиция предпочитает именно это слово — переход, — и в нём есть своя глубокая истина.

Оно не смягчает смерть и не украшает её, но открывает её в совершенно ином измерении: человек уходит, земной путь завершается, но тебя встречает Христос.

Серьёзность расставания и пасхальная глубина надежды соединяются в этом словвместе, поддерживая друг друга.

Франциск тяжело болел.

В последние годы он почти ослеп, страдал от ран стигматов, переносил боль, которую трудно описать словами.

Он был человеком — и страдал по-человечески.

Но он доверял; и этот переход стал исполнением того доверия, которое зрело в нём долгие годы — в бедности, в покаянии, в той благодарной любви ко Христу, которая умеет принять и немощь, и боль, и самую смерть, не как поражение, а как последний шаг навстречу Тому, Кого любишь.

Вот почему восемьсот лет его перехода — это не просто памятная дата.

Это напоминание всей Церкви о том, что земной путь человека достигает полноты в Боге.

Страх бывает естественным.

Слабость — глубоко человеческой.

Боль — очень реальной.

Вопросы — тяжёлыми.

Всё это правда, и христианство не просит человека сделать вид, что это не так.

Но есть и другая сторона правды: Христос вошёл в человеческую смерть и открыл из неё выход.

Поэтому в самой глубине христианского сердца живёт надежда, как горит огонёк лампы у Пресвятых Даров в храме.

Те, кому довелось пройти через тяжёлую болезнь, нередко говорят об одной важной перемене: начал замечать то, мимо чего прежде проходил.

Утро.

Дыхание.

Чью-то улыбку.

Молитву в несколько слов.

Ещё один прожитый день.

В этой внимательности к малому и живёт зрелая христианская надежда, которая становится опорой.

Последнее слово принадлежит жизни.

Христос воскрес.

брат Виталий Костюк

Есть люди, которые жили, чтобы умереть, и сегодня о них уже не помнят; но есть и те, кто умер, чтобы жить, и по сей день они остаются самыми живыми среди нас, более живыми, чем многие современники: они принадлежат не прошлому, а вечному настоящему.

Это люди, оставившие неизгладимый след в истории человечества и в сердцах, который проходит сквозь века, не поддаваясь прихотям моды.

Среди них, несомненно, шедший вслед за Иисусом Христом и по Его стопам, Франциск Ассизский и все святые, начиная с мучеников.

Так и сегодня, спустя две тысячи лет, мы торжественно празднуем Пасху Христову, а спустя восемьсот лет, - Пасху Франциска; ведь речь идет именно о «Transitus - Переходе».

Сегодняшний человек, став рабом тяжелых парадоксов, вызванных собственным эгоизмом, еще не может окончательно решиться сделать выбор в пользу жизни, а не смерти.

Те, кто выбрал логику эгоизма, пытаюсь обмануть смерть, откладывая встречу с ней, будто её и нет, или вычеркивая её из своего горизонта,

стремился в своей жизни (возможно, в ущерб другим) накапливать вещи, статус, комфорт, которые неумолимо, шаг за шагом, отнимало время: и каждый день был для таких людей «потерей».

Тот, кто жил в ужасе перед смертью, наслаждаясь лишь настоящим или утешаясь возможностью оставить что-то близким, потому что смерть представлялась ему обнулением всех накоплений (малых или больших) и тупиком без выхода, - тот жил, чтобы умереть.

Тот же, кто выбрал логику любви, логику Пасхи, умирая, чтобы жить, истолковал смерть как «Transitus»: истинное и окончательное рождение.

Так и Франциск, познав на опыте, что истинная смерть — это эгоизм, каждый день умирал для самого себя, убивая в себе гордыню, жадность и страх, и всё больше освобождая место внутри себя для Христа, Жизни нашей и Воскресения: и каждый день был для него «обретением».

Франциск с помощью Благодати, будучи ей послушным, уловил «кайрос» - «благоприятный момент», «божественное время», - полностью войдя в вечность и проживая ради неё «хронос», - «время, текущее и потребляющее».

И даже смерть стала для него «сестрой», в то время как «смерть

вторая» никак не могла причинить ему вреда!

Каждое мгновение, прожитое Франциском, было не шагом в никуда, а кирпичиком в здание «вечности».

Ежедневно совлекая с себя эгоизм и достигнув абсолютной «свободы» Евангелия, на его пути обращения «сестра смерть телесная» превратилась из непроницаемой «стены» в «дверь», пусть и «узкую», через которую он прошел «нагим», чтобы предстать перед вечным ликом Бога, облеченным лишь в Него.

Он остался неуязвим для вечного забвения, которое несет «смерть вторая» - та, что еще при жизни захватывает «раздутых» от гордости людей, живущих для себя и не способных пройти сквозь узкую дверь смерти.

Встреча с «сестрой» смертью, хоть и сопряженная с болью, сделала всю жизнь Христа и Франциска «зерном», которое, упав в голую землю (ставшую уже не вечной могилой, а плодородной почвой), дало начало новому изобильному урожаю, который никогда не истощится.

Их Пасха — это не событие прошлого, а живая динамика, которая продолжает рождать смысл для нас: боль смерти, которая остается, была для них не отчаянием от исчезновения, а муками «родов»; а радости жизни - просто превратятся в радость совершенную!

Иисус, принеся Себя в дар, навсегда победил смерть, сделав её вместе с её грузом эгоизма не только безвредной, но и «сестрой».

И Франциск прошел сквозь неё, «положенный нагим на нагую землю», чтобы достичь «совершенной радости», оставив «жалю» всякого эгоизма и обретя Любовь, делающую вечным.

Человек от самого сотворения был призван Богом разделить с Ним вечность.

С рождения мы все уже выходим на свет в вечности, и даже грех с его выбором в пользу смерти не заставил Бога лишить человека этого призвания.

Более того, по Своей любви, желая позволить человеку родиться для

вечности и сохраняя при этом его свободу воли, Он послал Своего Сына, который, принеся в дар всего Себя, восстановил изначальное человеческое призвание.

Так, благодаря жертве Христа, после смерти мы воскреснем либо для воскресения жизни, либо для воскресения “смерти второй”: мы будем либо вечно пребывать перед лицом Бога, наслаждаясь Его присутствием, либо вечно вдали от Него, страдая от Его отсутствия.

Но всё начинается на этой земле и зависит от нас!

Мы сегодня часто подавлены тревогой от необходимости «соответствовать» и «казаться», но мы призваны к свободе!

Наше призвание – освободиться от иллюзии «раздутости»: жажда накапливать лайки и подписчиков отдаляет нас от нашего глубочайшего существа и заставляет проживать поверхностный опыт, далекий от реальности.

Чем больше человек раздувается от эгоизма, тем менее он способен пройти сквозь врата реальной жизни, которые обычно узки.

Только тот, кто легок, кто «обнажился» (освободился от лишнего), как Франциск, способен бежать навстречу своему будущему и реализовать призвание, уготованное ему Богом.

Наше призвание - населять «хронос», в котором скрывается и проявляется «кайрос»: давайте без страха улавливать «благоприятный момент» в потоке событий, наполняющих нашу жизнь, и идти не в никуда, а к Вечному, строя делами любви, кирпичик за кирпичиком, наше ожидание Всего.

Наше призвание - потерять часть себя, чтобы полностью обрести себя во Христе: умирать для себя каждый день — это не провал и не социальная смерть, а родовые муки с присущей им болью ради рождения новой жизни.

Наше призвание — это непрерывный «Transitus», не теряющий из вида конечную цель - «обретение» полноты радости через самоотдачу.

Наше призвание - сделать наши смерти «сестрами», превращая всю нашу жизнь в дар Богу и ближнему.

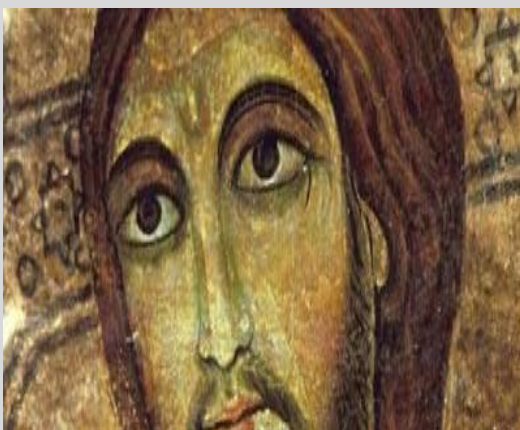

Тогда наши неудачи больше не будут иметь жала «второй смерти» и не будут причинять нам такой боли, потому что у нас останется только Любовь, которую можно дарить, а не имидж, который нужно защищать.

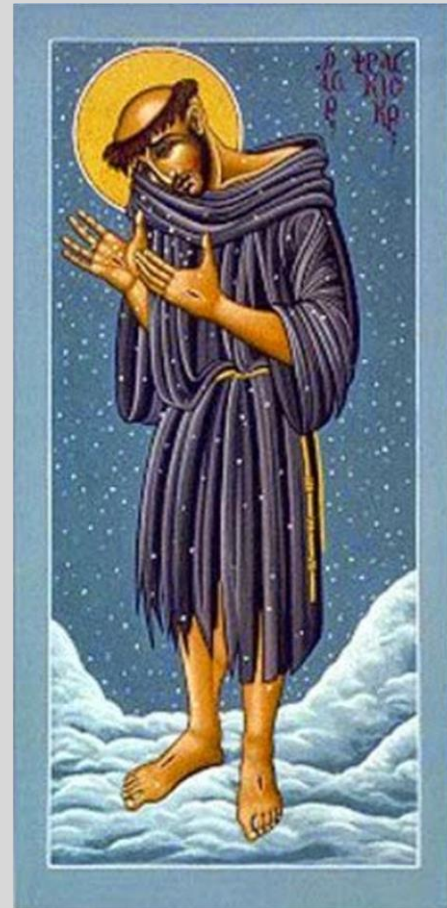
Наше призвание - не накапливать «мимолетные потери», а собирать «вечные обретения»; это призвание умирать, чтобы жить, а не жить, чтобы умереть!

Если мы пытаемся придать смысл нашей жизни, давайте придадим смысл и нашей смерти: проживем и то, и другое как дар.

Взглянем на Христа и на Его слугу Франциска, одних из «самых живых среди нас»: они проложили для нас путь, чтобы и мы могли последовать по их стопам.

брат Стефано Инверниции

А если и ты чувствуешь призвание от Господа следовать за Христом по примеру Святого Франциска – не бойся: Господь, Который посадил в твоём сердце это семя, даст также смелость его принять и реализовать эту мечту!

- брат Виталий
(Новосибирск)
vitaly04021984@gmail.com
- брат Юрий
(Санкт-Петербург)
iurisebastiano.ofm@gmail.com
- брат Стефано
(Новосибирск)
bratstefano@yandex.ru